

* Творчество наших читателей

НИКОЛАЙ РЮМИН— БЛОКАДНИК И ПОЭТ

Есть недалеко от Смольного, на Суворовском проспекте, дом, где в 1929 году появился новый гражданин Ленинграда — Николай Михайлович Рюмин. Ему, через двенадцать лет, как и многим тысячам горожан, досталась нелегкая доля испытать ужас блокады.

Отец умер еще до войны. И жили они с матерью и теткой не очень — то сладкой жизнью. А потом — война, блокада, голод. Хоть и работали старшие до изнеможения, но продержаться на блокадном пайке смогли только до марта 1942 года. Умерли от голода. Николай, у которого цинга выкрошила зубы, а опухшие ноги едва передвигались, попал в детдом и чудом выжил. И только потому, что в августе 1942 года его вместе с другими ребятами вывезли в алтайское село Крутиха.

Здесь сирота обрел новую семью — его усыновили учителя Людмила Алексеевна и Андрей Леонидович Лаговские. Под их опекой закончил среднюю школу, аттестат получал в Горно-Алтайске, куда Лаговские переехали. Потом, в начале 50-х, служба в армии, военное училище, Елабужинская школа милиции, работа в Горно-Алтайском ГОВД.

Беловчанином Николай Михайлович стал в 1961 году. Вплоть до ухода на пенсию в 1987 году работал в линейном отделе УВД в звании майора милиции.

Женат. Сын, дочь, внуки.

— Любил всю жизнь стихи, особенно Блока, Есенина, — рассказывает он о себе. — Чуть ли не со школьной скамьи писал их сам, но "в стол", для себя. Публиковался только в областной газете "Звезда Алтая".

Сегодняшняя подборка его стихов — это первое выступление на страницах "Беловского вестника". И посвятил он его славной дате — 50-летию прорыва блокады родного города Ленинграда.

Л. УСТЮГОВ.

"РИО-РИТА"

Бравурные звуки несутся окрест
(Они до сих пор не забыты)

В Таврическом парке
военный оркестр

Играет фокстрот "Рио-Рита".

Небес синеву отражает волна,
Стоит золотая погода.

Над городом крылья
простерла весна,

Весна сорок первого года.

Проносится в танце
балтийский матрос,

По ленточке видно — с "Марата".
С девчонкой, отбросившей

хвостики кос,
За ним — лейтенант франтоватый.

А я за оградой среди ребятни
Мелодии знойной внимаю.

Проходят последние
мирные дни,

Проходит пора золотая
Лихой лейтенант

в августовских боях
На Пулковских ляжет высотах,

И славный "Марат" свой
оставив, моряк

Уходит с морской пехотой.

Девчонка, упряжав косички,
пойдет

Тушить зажигалки на крышу.
И "юнкерс" подбитый в тот

парк упадет,
Где зов "Рио-Риты" был слышен.

А мне в эту зиму придется пройти

Все круги блокадного ада.
И после судьба мне положит пути

Далеко от стен Ленинграда.
Уносятся в синюю дымку года.

И многое временем скрыто,
Но я не забуду тебя никогда.

Родная моя "Рио-Рита"
22.07.1981 г.

Блокадная память!
Она беспощадна.

Сквозь смех беззаботный
и праздный гомон

Вдруг высветит молнией,
— красной и чадной.

Как Кировский дом был
бомбежкой взломан

Как душное пламя
с Бабаевских складов

Полнеба над городом
жаром объяло,

И с этой минуты у Ленинграда
Пятьсот тысяч жизней, считай,

уж не стало.
Потом будет все:

и блокадная пайка —
Осьмушка кило, и снаряды,

в упор
Летящие с Пулкова,
мерзлая шайка

С водой из Невы, и потушенный
дистрофика взор.

А пока — тот сентябрь,
озаренный пожарами,

Станет первой страницей
в книге блокады.

И отсвет его и сейчас
над бульварами,

Мостами и шпильями Ленинграда.
Март 1978 г.

Сугробы на Невском.
Зенитки за Смольным.

И крейсера замерзли в Неву.
Зияют воронки на дворике

школьном,
И все это кажется

сном наяву.
Давно ли сияли огнями

кварталы,
Трамваи звенели до Охты

самой,
И люди толпились у книжных

развалов,
В Таврический звал нас оркестр

духовой?
Полгода еще не прошло,

как в июне
Воскресный тот день

нашу жизнь разделил
На ту, что была до войны,

накануне,
И ту, что не каждый уже

пережил.
Суровая явь... Мне всего лишь

двенадцать.
И матушки скоро не станет

моей.

А мне доведется в детдом
подаваться.

Пожинуть свой город,
что нету родней.

Нас Ладогой катер
доставит в Лаврово,

Успев предупредить
"мессершмиттов"

налет.
Начнется для нас небывалый,

тяжелый,
Библейский суровый исход.

Почти половину
припихшей России

Придется нам в этом
пути повидать.

И будут удмурты,
в лаптях и босые,

Нам в окна вагонов
картошку совать,

Последний кусок
от себя отрываю

Вконец пострадавшим
нашим сердцам

Ведь горе лишь тот
до конца понимает,

Кто вдосталь хлебнул
его горечи сам.

В алтайских польных
просторах

безмерных,
Что будут целинными

зваться потом,
Мы вспомним о том,

как отчетливо-мерно
Блокадный в эфире стучал

метроном.
Далеко ушли

те свинцовые годы,
Уж многих моих

соблокадников нет.
Инфарктым рубцом

отложились невзгоды
На весь этот срок

оставшихся лет.
2 мая 1985 г.

ПОЕДИНОК

Все мосты сожжены. Я играю
ва-банк.

Лишь Россия одна за спиной.
Надвигается лязгая траками, танк.

Поиграть он не против со мною.
Все погодки мои неуютно лежат

В переплаханной взрывом
траншее.

Подползай же скорей,
бронированный гад!